

ния мира. Достигший взрослости человек может (и должен) принимать личные решения, делать выбор.

Анализ некоторых важных аспектов феномена жизненного самоопределения позволяет утверждать, что все они тесным образом связаны между собой, уходят своими корнями в проблему глубинной сути человеческой природы и неоднозначности ее проявлений. Само же жизненное самоопределение – это целенаправленный процесс, связанный с выбором жизненного пути и жизненных позиций, осознанным стремлением личности к реализации целевых установок, определяемых личными потребностями и соотносимых с требованиями общества; является мотивирующей силой и основой формирования интегральных характеристик личности; процесс, регулируемый социально-психологическими и педагогическими факторами и условиями.

Литература

1. Абульханова-Славская, К. А. Личностная регуляция времени [Текст] / К. А. Абульханова-Славская // Психология личности в социалистическом обществе / под ред. Б. Ф. Ломова, К. А. Абульхановой-Славской. – М., 1990. – С. 114 – 129.
2. Абульханова-Славская, К. А. Стратегия жизни [Текст] / К. А. Абульханова-Славская. – М., 1991. – 302 с.
3. Адлер, А. Практика и теория индивидуальной психологии [Текст] / А. Адлер; пер с нем.; вступ. ст. А. М. Боквинова. – М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995. – 296 с.
4. Асмолов, А. Г. Психология личности [Текст] / А. Г. Асмолов. – М., 1990.
5. Бодров, В. А. Психологические исследования проблемы профессионализации личности [Текст] // Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала / под ред. В. А. Бодрова. – М., 1991. – С. 3 – 26.
6. Иванченко, Г. В. Становление профессионального самоопределения и репрезентации профессионализма [Текст] / Г. В. Иванченко // Психология. Журнал высшей школы экономики – 2005. – Т. 2. – № 2. – С. 24 – 51.
7. Кон, И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание [Текст] / И. С. Кон. – М., 1984. – 335 с.
8. Коростылева, Л. А. Проблема самореализации личности в системе наук о человеке [Текст] / Л. А. Коростылева // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. – 240 с.
9. Сидоренко, Е. В. Экспериментальная групповая психология. Комплекс «неполноценности» и анализ ранних воспоминаний в концепции Альфреда Адлера: учеб. пособие [Текст] / Е. В. Сидоренко. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1993. – 152 с.
10. Филимоненко, Ю. И. Жизненный путь: самореализация личности с опорой на подсознание / Ю. И. Филимоненко [Текст] // Психологические проблемы самореализации личности / под ред. А. А. Крылова, Л. А. Коростылевой. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. – 240 с. – С. 58 – 74.
11. Франкл, В. Человек в поисках смысла: сборник [Текст] / В. Франкл / общ. ред. Л. Я. Гозмана и Д. А. Леонтьева. – М., 1990. – 368 с.
12. Хрестоматия по гуманистической психотерапии [Текст] / сост. М. Папуш. – М.: Институт общегуманитарных исследований. – М., 1995. – 302 с.
13. Чернявская, Г. К. Самопознание и самореализация личности. Методологические проблемы [Текст] / Г. К. Чернявская: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – СПб., 1994. – 35 с.
14. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис [Текст] / Э. Эриксон / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М., 1996. – 344 с.
15. Юлдашева, Г. А. К проблеме понимания и интерпретации исторического процесса как фактора самоопределения личности [Текст] / Г. А. Юлдашева // Credo. – 2000. – № 5(23).

УДК 159.2 + 616.89

ИССЛЕДОВАНИЕ СМЫСЛОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРЕЖИВАНИЯ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО СТРЕССА

А. В. Полетаева

Травматическое событие коренным образом видоизменяет содержательные и динамические характеристики жизнедеятельности личности. В организме человека, его нервно-психологической и личностной организации, в системе отношений происходят существенные сдвиги. По существу, начинается отсчет нового личностного времени, новой биографии, формируются иные критерии оценки прошлого, настоящего и будущего. Сталкиваясь с травматическими событиями, человек вынужден приспосабливаться к наступившим изменениям, порождающим состояние стресса. Иногда в результате воздействия экстремального стрессора в психиче-

ской сфере личности по аналогии с физическими повреждениями происходят психические нарушения, которые, согласно современным представлениям, носят название «травматический стресс». Стрессорами в таких случаях выступают травматические события, нарушающие базовое чувство безопасности индивида, структуру «самости», когнитивную модель мира [3, с. 15]. Негативные психологические последствия травматического события могут не только не исчезать со временем, но и становиться более выраженными, а также проявляться внезапно на фоне общего благополучия. Исследование этого феномена легло в основу выделе-

ния категории посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), ставшего важным этапом в изучении воздействия психической травмы на психологическое благополучие человека. Схожесть поведенческих проявлений отдаленных последствий пребывания в экстремальной ситуации позволили М. J. Horowitz в 1980 году выделить их в качестве самостоятельного синдрома посттравматического стрессового расстройства (Posttraumatic Stress Disorder). В дальнейшем группа авторов во главе с М. J. Horowitz разработала диагностические критерии ПТСР [4], которые были приняты сначала для американских Руководств по диагностике психических болезней (DSM-III и DSM-IV), а позже – для принятой в европейских странах Международной классификации болезней (МКБ-10).

Распространенность посттравматического стресса неодинакова в разных популяциях в различные периоды времени и зависит от частоты травматических событий. По данным зарубежных исследований, в 90-е годы показатели частоты возникновения ПТСР существенно возросли [1]. Если в 80-е годы они составляли 1-2 % от общей популяции, то в недавних исследованиях, опубликованных в США, они соответствуют 7,8 %. Можно полагать, что в России, в связи с продолжающимся ухудшением социально-экономического положения с постперестроечного периода, массовым обнищанием целых слоев населения, крайне нестабильной социально-политической обстановкой, ростом преступности, эти показатели значительно превышают зарубежные. В этой связи объектом для исследования посттравматического стресса (ПТС) может выступать не только лица группы риска по развитию травматического стресса (участники военных действий, беженцы, бывшие заложники), но и люди, не относящиеся к числу потенциально подверженных негативному влиянию травматических событий.

Рядом исследователей, занимающихся изучением психологических последствий влияния стресса на человека, ПТСР понимается как затяжная, непосредственная или отставленная реакция на травматическое переживание (Е. Д. Соколова, Ф. Б. Березин, Т. В. Барлас, Н. В. Тарабрина, Е. О. Лазебная и др.). Такое понимание природы посттравматических нарушений зачастую связано с сосредоточением авторов исключительно на комплексе реакций, образующих характерный симптомокомплекс. Превалирование в исследованиях переживания травматического опыта клинического подхода, на наш взгляд, имеет своим следствием то, что эта проблема рассматривается в основном отдельно от вопросов нравственности, осмысленности жизни, личностных ценностей. Для более полного понимания феномена данного расстройства необходимо перенесение внимания на уровень личностных переживаний, центральное место в которых занимает смысловая сфера личности.

Целью настоящего исследования являлось изучение смысловых аспектов переживания личностью посттравматического стресса. Для сбора информации о травматическом опыте испытуемых использо-

вался опросник LEQ, разработанный под руководством Н. В. Тарабриной. Признаки посттравматического стресса оценивались при помощи гражданского варианта Миссисипской шкалы (MШ) для оценки посттравматических реакций. Для изучения структуры смысловых ориентаций личности и выявления типов актуального смыслового состояния был использован тест смысловых ориентаций (СЖО), разработанный и адаптированный Д. А. Леонтьевым и модифицированный А. В. Серым и А. В. Юпитовым. Для реконструкции индивидуальной системы смысловых противопоставлений и обобщений, лежащей в основе субъективного отношения к событию и к самому себе в континууме прошлое-настоящее-будущее, использовался репертуарный тест личностных конструктов (РЕП-тест). В качестве элементов предлагаемого ролевого списка для заполнения репертуарной решетки выступали образы – «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем», а также представления об «идеале» и «антиидеале» совладания с травматическим опытом: «Человек, переживший травматическое событие и преодолевший его негативные последствия» и «Человек, переживший травматическое событие и не сумевший преодолеть его негативные последствия». Определялась степень устойчивости идентификации образа «Я» испытуемых в настоящем с образами «Я» в прошлом и будущем, а также степень идентификации образа «Я» в различных временных периодах с идеалом и антиидеалом преодоления травматического события.

Исследование переживания травматического события лицами, не относящимися к числу потенциально подверженных травматическим событиям (то есть представителями так называемой «условной нормы»), проводилось на студенческой выборке. В нем приняли участие учащиеся 3, 4 и 5 курсов Кемеровского государственного университета. Общий объем выборки составил 101 человек, средний возраст испытуемых – 21,4 года.

О столкновении с травматическим опытом сообщили 80 респондентов, что составляет 79,2 % от общей выборки; 21 испытуемый отрицает наличие в жизненном опыте травматического события (20,8 %). У большинства испытуемых травматическое событие произошло более полугода назад, что говорит о переживании ими отдаленных последствий психотравмы. Анализ частоты упоминания о различных типах травматических событий в рассматриваемой выборке показал (табл. 1), что среди наиболее тяжелых жизненных эпизодов, пережитых испытуемыми, чаще отмечаются такие, как *смерть или угроза жизни близкому человеку* (26,6 %), а также *измена или расставание с любимым человеком* (16,5 %). Широкая представленность этих типов травматических событий, на наш взгляд, связана с тем, что, не относясь к числу внештатных, экстремальных, они происходят в жизни большинства людей, включенных в значимые межличностные отношения, и, в случае угрозы личностным ценностям и смыслом человека, воспринимаются особенно болезненно.

Таблица 1

Частота восприятия различных событий в качестве травматических и последующего развития ПТС (в процентах)

№	Тип травматического события	Частота восприятия события как травматического, %	Частота встречаемости ПТС, %
1.	Смерть или угроза жизни близкого человека	26,6	14,3
2.	Измена или расставание с любимым человеком	16,5	-
3.	Сексуальное насилие	8,9	28,6
4.	Проблемы во взаимоотношениях между родителями	7,6	-
5.	Физическое насилие или угроза применения насилия	5	25
6.	Плохое обращение в детстве	3,8	66,7
7.	Несчастный случай	3,8	33,3
8.	Соматическое заболевание	1,3	-
9.	Свидетель насилия или несчастного случая	1,3	-
10.	Другие травматические события	25,3	5

Такое событие, как *смерть или угроза жизни близкому человеку*, в 14,3 % случаев связано с наличием негативных психологических последствий в отдаленном периоде, которые могут быть обусловлены как самим событием, так и количеством прочих стрессовых ситуаций и формированием избирательной уязвимости по отношению к некоторым жизненным обстоятельствам. Более серьезные последствия воздействия этого события не случайны в силу как бы двойного травматического эффекта: утрата или угроза утраты близкого есть символическая потеря/угроза потери части своего собственного мира, связанного со значимым человеком, и в то же время – столкновение с фактом собственной смертности. Часть испытуемых (8,9 %) в качестве травматического события отметили случай переживания *сексуального насилия* (изнасилование, попытка сексуального насилия, другие насильственные действия сексуального характера, совершаемые как незнакомыми лицами, так и людьми, с которыми жертва находилась в родственных, близких или дружеских отношениях). Факт наличия ПТС в отдаленном периоде у 28,6 % испытуемых свидетельствует о серьезности травматического воздействия этого события на личность пережившего. На четвертом месте по частоте упоминания события как травматического находятся *проблемы во взаимоотношениях между родителями* (конфликты, связи «на стороне» одного из родителей, развод, отчужденность, отсутствие эмоциональной поддержки друг друга и т. д.), имевшие место в детстве испытуемых (7,6 %). В большинстве случаев эта ситуация не эпизодична, а носит хронический стрессовый характер. Несмотря на это, результаты нашего исследования показывают, что сама по себе такая ситуация (при отсутствии других травматических событий, связанных с родительской семьей) не приводит к развитию ПТС в отдаленном периоде.

Далее частота восприятия различных событий в качестве травматических распределилась следую-

щим образом: *физическое насилие или угроза применения насилия* (5 %); *плохое обращение в детстве* (3,8 %); *несчастный случай* (3,8 %); *соматическое заболевание* (1,3 %); *свидетель насилия или несчастного случая* (1,3 %). Обнаружилось, что *физическое насилие или угроза его применения* в 25 % случаях приводит к развитию отдаленных проявлений травматического стресса. Такие события, как *плохое обращение в детстве* и *несчастный случай*, из всех типов событий обладают наиболее негативным потенциалом воздействия на личность в отдаленном периоде. Первое связано с наличием ПТС по прошествии достаточно длительного времени у 66,7 % испытуемых, второе – 33,3 % переживших данный вид психотравмирующего события. Однако обращает на себя внимание отсутствие признаков посттравматической стрессовой реакции, согласно самоотчетам испытуемых, сразу после этих событий. Такое явление кажется нам не случайным. В большинстве случаев *плохое обращение в детстве* (побои, издевательства, унижения) носит характер не изолированного события, а периодически или систематически повторяющихся эпизодов, каждый из которых в отдельности представляет не столь серьезную угрозу психологическому благополучию, как более интенсивные, экстремальные события. Однако в виде серийной травматизации *плохое обращение в детстве* обладает кумулятивным эффектом, проявляясь через много лет признаками ПТС, которые, возможно, связаны в отдаленном периоде уже не столько с самим травматическим воздействием в детстве, сколько с формированием особой уязвимости, чувствительности к другим стрессорам. Что касается *несчастных случаев* (автомобильные аварии, случайные бытовые травмы, падения с большой высоты), то в нашем исследовании все они относились к внештатным неожиданным и практически неконтролируемым событиям, представляющим серьезную угрозу жизни и здоровью человека. Из-за внезапности возникновения и

особой интенсивности воздействия, а также в связи с необходимостью мобилизации всех физических и психических ресурсов для совладания с событием и действием психологических защит, человек, как правило, бывает не в состоянии сразу оценить степень угрозы и «переработать» весь объем поступившей информации, что и сказывается в отдаленном периоде переживания события. *Соматическое заболевание* (испытуемые, как правило, отмечали случаи тяжелых, хронических заболеваний, меняющих привычный образ жизни) и присутствие при сценах насилия или несчастного случая, произошедшего с другим человеком, в нашей выборке не были связаны с последующим развитием ПТС.

На основании оценки степени выраженности у испытуемых признаков посттравматического стресса было выделено две группы испытуемых. В качестве показателей выраженности посттравматического стресса использовалась усредненная оценка признаков ПТС по Миссисипской шкале. Группа испытуемых, имеющих высокие показатели ПТС (общ. балл МШ > 94, $M = 109$), получила условное название «группа 2», остальные (общ. балл МШ < 94, $M = 76,5$) были определены в группу условной нормы под названием «группа 1». Первую группу составили 91 человек (90,1 % от общей выборки), во вторую группу вошли 10 человек (9,9 % от общего числа опрошенных).

Сравнение структуры смысловых ориентаций в двух группах обнаружило различия на уровне статистически значимой тенденции между группой с признаками ПТС, испытуемые которой демонстрируют низкие показатели по всем шкалам теста, и группой условной нормы (табл. 2). Эта тенденция просматривается по большинству шкал теста СЖО.

Таблица 2

Усредненные показатели по тесту СЖО
испытуемых разных групп

Субшкалы СЖО	Группы		Критерий t	p
	1	2		
Общая ОЖ	106,9	92,2	2,51	0,014
Цели	38,1	35,2	1,1	0,275
Процесс	32	25,6	3,18	0,002
Результат	26,6	21,3	3,27	0,001
ЛК-Я	27,5	23,7	2,29	0,024
ЛК-Ж	31,9	25,2	3,2	0,002

Полученные данные показывают, что лица с выраженными признаками ПТС в целом склонны воспринимать свою жизнь как лишенную смысла, в отличие от исследуемых первой группы, показатели посттравматического стресса которых соответствуют нормативным. Испытуемые второй группы отличаются низкой удовлетворенностью своей жизнью в настоящем, восприятие процесса своей жизни как малоинтересного и эмоционально ненасыщенного, неудовлетворенность прожитой частью жизни, неверие в свою способность контролировать события

собственной жизни, а также отсутствие веры в возможность свободы выбора, убежденность в том, что человеческая жизнь неподвластна сознательному контролю.

Наряду с достаточно низкими показателями практически по всем шкалам СЖО, по шкале «Цели в жизни» исследуемые второй группы демонстрируют показатели выше среднего, чем незначительно отличаются от представителей первой. Преимущественная ориентация на цели в жизни, свидетельствующая об устремленности индивидуального сознания в будущее, при низкой удовлетворенности прожитой частью жизни и процессом настоящего характеризуют исследуемого как человека, планы которого не имеют реальной опоры в действительности и не подкрепляются личной ответственностью за их реализацию.

Следовательно, одним из важнейших психологических оснований, обуславливающих переживание личностью травматического события, является осмысленность жизни. Об этом говорит также наличие статистически значимых связей между признаками ПТС и смысловыми ориентациями личности (табл. 3).

Общий балл по Миссисипской шкале отрицательно коррелирует с показателями по шкалам «Общая осмысленность жизни», «Цели в жизни», «Процесс жизни», «Результативность жизни, а также с показателями по шкале «Локус контроля-Я» и «Локус контроля-Ж». На основании полученных данных можно проследить тенденцию снижения всех составляющих осмысленности жизни при повышении общего балла по Миссисипской шкале. Приведенные результаты свидетельствуют о том, что ряд элементов структуры смысловых ориентаций личности имеют достоверную взаимосвязь с проявлениями посттравматического стресса. Это свидетельствует о том, что переживание психологических последствий «негативного» опыта обусловлено перестройками в смысловой сфере личности.

Субъективную смысловую реальность личности, согласно мнению А. В. Серого, опосредуют временные локусы смысла явлений человеческой жизни. Процесс осмысления собственного опыта осуществляется посредством синхронизации различных временных локусов, т. е. одновременного переживания смыслов разных временных периодов (прошлого, настоящего, будущего) [2]. Мы, вслед за автором, определяем данный процесс как актуальное смысловое состояние (АСС), представляющее собой совокупность актуализированных смыслов, размещенных во временной перспективе. Модифицированная процедура обработки первичных показателей методики СЖО, предложенная А. В. Серым и А. В. Юпитовым, позволяет с помощью шкал «Цели в жизни» (согласно модификации – психологическое будущее), «Процесс жизни» (психологическое настоящее) и «Результативность жизни» (психологическое прошлое) выделять испытуемых, находящихся в различных смысловых состояниях. После перевода «сырых баллов» в сте-

найны авторы огрубляют полученные результаты и считают низкими показателями ниже 5 стенов, а высокими – выше 5. В таблице 4 представлены дан-

ные по типам испытуемых, относящихся к различным смысловым состояниям [2, с. 63].

Таблица 3

Коэффициенты корреляции между общим баллом по Миссисипской шкале и показателями по тесту СЖО

Миссисипская шкала	Шкалы СЖО					
	Общ. ОЖ	Цели	Процесс	Результат	ЛК-Я	ЛК-Ж
Общий балл	-0,53	-0,41	-0,50	-0,55	0,42	-0,52

* В таблице указаны только значимые корреляции.

Таблица 4

Типы испытуемых с различными смысловыми состояниями

Типы испытуемых	Осмысленность прошлого (результативность жизни)	Осмысленность настоящего (удовлетворенность процессом)	Осмысленность будущего (наличие целей)
1	низкая	низкая	низкая
2	высокая	низкая	низкая
3	низкая	высокая	низкая
4	высокая	высокая	низкая
5	низкая	низкая	высокая
6	высокая	низкая	высокая
7	низкая	высокая	высокая
8	высокая	высокая	высокая

Использование модифицированного варианта обработки данных СЖО позволило получить следующие данные. Испытуемым двух групп присущи разные типы АСС, выражающиеся посредством одновременного, синхронного восприятия собственного жизненного пути.

В первой группе наблюдается широкое распределение исследуемых по различным типам АСС. Наибольшее представительство в этой группе получил 8-й тип, характеризующийся высокими показателями осмысленности всех временных локусов. Причем соотношение непродуктивных (имеющих низкие показатели осмысленности более чем одного локуса) и продуктивных (высокие показатели осмысленности более чем одного локуса) типов в первой группе неодинаково, что свидетельствует об общей тенденции испытуемых к пониманию места и роли того, что происходило или может произойти, переживанию целостности и взаимосвязанности опыта.

У испытуемых второй группы было обнаружено увеличение процентного соотношения двух типов АСС за счет снижения доли остальных типов. В первую очередь, нельзя оставить без внимания распространенность в группе АСС 1-го типа и факт отсутствия в группе испытуемых с высокими показателями ПТС представленности 2, 3, 4 и 6 типов АСС. Это указывает на то, что неудачные попытки переживания травматического события сопровождаются блокировкой процесса осмысления человеком своего прошлого и настоящего, воспринимае-

мого через призму актуальности, незавершенности травматического опыта. Такое восприятие напрямую связано с неспособностью индивида установить смысловые связи между событиями, имеющими различную временную отнесенность, невозможность их рассмотрения в контексте целостной временной перспективы.

Хотя 1-й тип АСС, определяющий низкую осмысленность всех временных периодов, является одним из доминирующих во второй группе, все же доля типов с высокими показателями осмысленности будущего (5-й, 7-й, 8-й) достаточно широко представлена, причем 8-й тип переживания встречается так же часто, как и 1-й тип. На наш взгляд, это есть отличительная особенность важной стратегии преодоления травматического опыта, которая, говоря словами Ф. Ницше, может быть выражена так, что если человеку есть «Зачем» жить, он может вынести любое «Как». Полученные данные еще раз подтверждают вывод о том, что переживание травматического опыта обусловлено перестройками в смысловых ориентациях личности. Их суть состоит в неудачном смысловом связывании, «выпадении» событий из целостного временного контекста жизненного пути личности. Различия, зафиксированные в двух группах, могут быть как причиной, так и следствием негативного воздействия на индивида тяжелых жизненных событий. Можно было бы предположить, что полученные в ходе исследования результаты могут быть рассмотрены как вероятное свидетельство того, что

1) структура смысложизненных ориентаций отражает подверженность личности влиянию травматического события, либо 2) травматическое событие играет роль катализатора трансформации смысловой сферы личности.

Однако, исходя из принципа системного детерминизма, мы полагаем неадекватным такое противопоставление внешних и внутренних факторов. Травматическое событие не напрямую детерминирует психическое состояние, так же как и субъективное не является ведущим фактором реакции на событие. Внутренний мир личности избирательно взаимодействует с явлениями объективной действительности, выделяя из нее в первую очередь то, что в субъективном восприятии представляет наибольшую значимость. Однако одни и те же элементы действительности обладают неодинаковой значимостью в разные периоды времени; их смысл меняется в зависимости от социального контекста ситуации, потребностей и ценностей личности, степени идентификации с различными социальными ролями. Травматическое событие, разделяя субъективную временную реальность индивида на то, что было «до» и то, что будет «после», представляет значительное по силе воздействие на систему представлений человека о явлениях окружающего мира и образ самого себя, а также на способы интерпретации этих элементов. Многие пережившие травматическое событие отмечают ощущение субъективной измененности как своего «Я», так и того, что их окружает. В связи с этим особый интерес должно представлять изучение характера репрезентации испытуемых относительно образов себя в контексте различных временных периодов.

Одним из методов, позволяющих получить доступ экспериментатора не только к сознательным, но и к глубинным, неосознанным и потому сложно вербализуемым структурам репрезентации различных элементов жизненного опыта, является метод репертуарных решеток, позволяющий выявить когнитивные представления испытуемых относительно своих «Я-образов» в контексте прошлого, настоящего и будущего. Для решения задач настоящего исследования использовался традиционный метод триад элементов Дж. Келли.

Сравнение показателей идентификации себя в настоящем с образом «Я в прошлом» показало, что более высокие значения демонстрируют испытуемые без наблюдаемых на данный момент признаков ПТС. Однако, учитывая, что полученные данные по этой методике должны интерпретироваться только в комплексе, необходимо одновременно сопоставить эти показатели с величиной идентификации себя с образом «Я в будущем». У испытуемых обеих групп эти показатели выше среднего, причем в первой группе показатель идентификации с образом «Я в будущем» самый высокий. Это говорит о склонности испытуемых ощущать себя в настоящем сквозь призму ожидаемого будущего. В то же время низкие показатели идентификации себя с образом «Я в прошлом» во второй группе при высоких значениях идентификации с представлениями о себе в буду-

щем свидетельствуют о достаточно большом расхождении между «Я-образами» различных временных периодов. Данный факт указывает на неадекватность в восприятии себя как целостного субъекта переживания травматического опыта и отсутствия опоры на прошлый опыт.

Величина идентификации себя с элементами «Человек, переживший травматическое событие и преодолевший его негативные последствия» и «Человек, переживший травматическое событие и не сумевший преодолеть его негативные последствия» значительно варьируется в зависимости от того, с образом себя в каком времени (в прошлом, настоящем или будущем) испытуемые сопоставляют образы этих людей из ближайшего социального окружения. Так, у испытуемых второй группы показатель величины идентификации себя в настоящем с человеком, представленным в элементе «идеала» преодоления, выше среднего; образ же «Я в прошлом» эти испытуемые идентифицируют с образом человека, не совладавшего с травматическим событием, обнаруживая по этому показателю статистически значимые различия с первой группой. В целом для лиц с признаками ПТС образ человека «преодолевшего» представляется в настоящем высоко положительным и привлекательным (вероятно, как раз вследствие собственных неудачных попыток совладать с травматическим опытом). В то же время «непреодолевший» выступает в качестве «антиидеала» (судя по низким показателям идентификации с ним образов «Я в настоящем» и «Я в будущем»). Для представителей второй группы характерно более эмоционально нейтральное отношение к «идеалу» преодоления, о чем говорят средние показатели идентификации себя с этой личностью, и восприятие образа человека не преодолевшего как «антиидеала».

Что касается соотношения величин идентификации разных образов «Я» с «преодолевающим» и «антиидеалом», то следует отметить, что во второй группе эти показатели носят несбалансированный характер, поскольку наблюдается большой разброс между всеми величинами идентификации. Высокая идентификация себя в прошлом с человеком непреодолевающим, а в настоящем – с преодолевшим еще раз говорит об ощущении испытуемых серьезного изменения образа «Я», поскольку при этом между образами «преодолевшего» и «непреодолевающего» во второй группе, судя по самым низким показателям идентификации, мало схожего. В первой группе при сопоставлении образов «идеала» и «антиидеала» преодоления были получены значительно более высокие значения.

Таким образом, в структуре смысложизненных ориентаций личности с признаками посттравматического стресса был обнаружен ряд противоречий между различными составляющими осмысленности жизни. Первое касается отсутствия осмысления событий прошлого и нарушения их интеграции с контекстом настоящего времени. Столкновение с травматическим событием представляет для человека утрату, пусть даже временную, какой-то части са-

мого себя. Вместе с тем к человеку приходит не просто понимание невозвратимости прошлого, но и ощущение некоего непреодолимого «рубежа» между своим прошлым и настоящим, которое также воспринимается как лишенное смысла вследствие отсутствия какой-то реальной опоры, переживания чувства вины, необходимости строить свою жизнь на каких-то новых, пока неопределенных основаниях.

Второе несоответствие заключается в том, что, наряду с утратой смысла прошлого опыта и трудностями осмысления происходящего у лиц, демонстрирующих посттравматические стрессовые реакции разной степени выраженности, наблюдается тенденция к большей смысловой нагруженности будущего и проекция в него пока еще нереализованных ожиданий. В данном случае, на наш взгляд, обнаруженный феномен может иметь следующий психологический смысл. Человек, столкнувшийся с разрушительностью травматического опыта, переживает в связи с этим тяжелое психическое состояние, для выхода из которого он должен обеспечить себя хоть каким-то источником жизненной силы и поддержки. Крайнее сужение временных ориентаций, «выброшенность» из целостного, непрерывного потока жизни представляет настолько противостественную ситуацию для сущности человека, что нахождение в ней продолжительное время оказывает чрезвычайно неблагоприятное влияние на развитие

личности и может привести к необратимым изменениям в ее структуре. Ощущение пустоты и отсутствия смысла жизни, происходящее от осознания произошедшей потери, требует активного целенаправленного поиска возмещения утраты. Наиболее приемлемым источником ее пополнения является что-то, пока находящееся за пределами нынешнего «себя», контекста всей предыдущей жизни и настоящего. Тем не менее такая устремленность в будущее не имеет за собой реальной опоры в настоящем и, возможно, носит компенсаторный или защитный характер.

Литература

1. Калмыкова, Е. С. Особенности психотерапии посттравматического стресса [Текст] / Е. С. Калмыкова, Е. А. Миско, Н. В. Тарабрина // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 4. – С. 70 – 80.
2. Серый, А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика [Текст] / А. В. Серый. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.
3. Тарабрина, Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса [Текст] / Н. В. Тарабрина. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
4. Horowitz, M. J. Stress response syndromes [Text] / M. J. Horowitz. – New York: Aronson, 1976. – P. 311.